

УДК 316.614.5

DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-3-14

ИЗ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КЛИНИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ В ИССЛЕДОВАНИИ МЕНТАЛИТЕТА

Н. Д. Елисеева¹

¹Институт психологии СВФУ им. М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Введение. Актуальность исследования обусловлена глубиной и широтой понятия «менталитет» в психологии. Исходя из этого, эмпирическое исследование менталитета представляет определенные трудности. В нашем исследовании мы исходим из понимания, что менталитет представляет собой надстройку, определяющую экзистенциальный смысл явлениям, процессам, отличающим психологический склад конкретного общества. Исследование направлено на изучение якутского менталитета через призму семейных отношений. Предполагается, что семья как первичный институт социализации является важнейшим механизмом, обеспечивающим преемственность традиционных ценностей культуры и стабильность менталитета в изменяющемся мире.

Материалы и методы. В статье описываются результаты клинического интервью, проведенного в рамках психологического консультирования. Раскрываются достоинства клинического интервью при исследовании глубинных, качественных особенностей менталитета народа. Исследование проведено в Якутии с 2018 по 2021 годы. Объем выборки – 99 человек. Возраст респондентов – от 54 до 82 лет. Из них – 87 женщин, 12 мужчин.

Результаты исследования. Результаты психологических консультаций представляются в виде развернутых текстов и таблиц, отражающих количественные результаты контент-анализа. Протоколы клинического интервью анализируются с помощью микросемантического анализа и контент-анализа.

Обсуждение и заключения. Выявлено, что в якутском менталитете сохраняются традиционные ценности народа саха: уважение к старшим, семья как расширенный род. Современные якутские семьи придерживаются норм традиционной якутской семьи: детоцентризм, воспитание детей в детской системе, активное участие прародителей в воспитании детей, выбор неформального главы рода не по половому признаку, а по личностным характеристикам. Участие нескольких поколений в воспитании детей, расширение ресурсов семьи за счет рода являются механизмами, обеспечивающими преемственность менталитета в якутской культуре.

Ключевые слова: менталитет, семья, психологическое консультирование, клиническое интервью, микросемантический анализ.

Для цитирования: Елисеева Н.Д. Из практики использования клинического интервью в исследовании менталитета // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, №3. С. 14.

FROM THE PRACTICE OF USING CLINICAL INTERVIEWS IN THE STUDY OF MENTALITY

N. D. Eliseeva¹

¹Institute of psychology NEFU, Yakutsk, Russian Federation

ABSTRACT

Introduction. The relevance of the study is due to the depth and breadth of the concept of "mentality" in psychology. Based on this, the empirical study of mentality presents certain difficulties. In our study, we proceed from the understanding that mentality is a superstructure that determines the existential meaning of phenomena, processes that distinguish the psychological makeup of a particular society. The research is aimed at studying the yakut mentality through the prism of family relations. It is assumed that the family, as the primary institution of socialization, is the most important mechanism ensuring the continuity of traditional cultural values and the stability of mentality in a changing world.

Materials and Methods. The article describes the results of a clinical interview conducted within the framework of psychological counseling. The advantages of a clinical interview in the study of the deep, qualitative features of the mentality of the people are revealed. The study was conducted in Yakutia from 2018 to 2021. The sample size is 99 people. The age of respondents is from 54 to 82 years. Of these, 87 are women, 12 are men.

Results. The results of psychological consultations are presented in the form of detailed texts and tables reflecting the quantitative results of content analysis. Clinical interview protocols are analyzed using microsemantic analysis and content analysis.

Discussion and Conclusions. It is revealed that the traditional values of the sakha people are preserved in the yakut mentality: respect for elders, family as an extended family. Modern yakut families adhere to the norms of the traditional yakut family: child-centrism, parenting in the children's system, the active participation of grandparents in the upbringing of children, the choice of an informal head of the family not by gender, but by personal characteristics. The participation of several generations in the upbringing of children, the expansion of family resources at the expense of the genus are mechanisms that ensure the continuity of mentality in the yakut culture.

Keywords: mentality, family, psychological counseling, clinical interview, microsemantic analysis.

For citation: Eliseeva N.D. From the practice of using clinical interviews in the study of mentality // Vestnik of Minin University. 2022. Vol. 10, no. 3. P. 14.

Введение

Исследование менталитета, несмотря на свою многолетнюю историю, остается не до конца изученной проблемой. Глубина и ширина психологических категорий, охватываемых понятием «менталитет», представляют сложность при эмпирической проверке выдвигаемых концепций. Вместе с тем исследование данного понятия приобретает все большее научное и практическое значение в современном мире. Общемировые процессы глобализации и информатизации выносят на первый план проблемы психологических состояний и

закономерностей, протекаемых в макрообществах. Усиление технологического прогресса, влияние процессов урбанизации ставят перед научным сообществом вопросы возможностей адаптации менталитета больших социальных групп к новым социальным условиям. На наш взгляд, сохранение духовно-нравственных ориентиров традиционного общества является одним из гарантов стабильности и эволюционного развития общества. Данное утверждение основывается на понимании того, что в своем филогезе человечество сохраняет и развивает те ценности, нормы и правила, которые наиболее благоприятным образом способствуют его развитию. Насильственные, навязываемые духовно-нравственные ориентиры и ценности, которые служат основой для норм и правил общества, в свою очередь разрушают многовековые, отобранные историей адаптивные механизмы, закрепленные в культуре, нарушают преемственность менталитета.

Отсутствие единой теории или концепции, объясняющей понятие «менталитет», является одной из наиболее значимых сложностей в выстраивании программы эмпирического исследования менталитета. При этом большинство авторов имеют единое представление о менталитете как о качественном образовании, охватывающем разноуровневые и разноплановые психологические процессы и понятия.

Следующим фактором актуальности проблемы нашего исследования, на наш взгляд, являются изменения, происходящие в институте семьи. Проблемы семьи в настоящее время находятся в центре внимания науки и общества. Считается, что в настоящее время семья претерпевает кризисный период [30; 37]. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, по России на 10 заключенных браков приходится 7 разводов [28; 29]. Отмечается уменьшение количества официально регистрируемых браков, растет количество внебрачных сожительств, и вместе с ним увеличивается количество внебрачных детей [5].

Помимо фактов, которые можно зарегистрировать с помощью статистических показателей, происходят качественные изменения: сокращаются размеры семьи, происходят изменения в содержании социальных ролей матери и отца, меняется роль и значение других институтов социализации в воспитании ребенка. Особую актуальность кризис семьи приобретает в связи с ее значимостью для её членов. Семейные отношения имеют ведущую роль в системе взаимоотношений личности, разносторонние семейные отношения взаимозависимы и взаимосвязаны, человек более уязвим именно в семье, т.к. именно в семейных отношениях человек, как правило, ведет себя более естественно и открыто. Отсюда, значение и роль кризиса семьи может принести непоправимый вред в психологическое здоровье личности и целого общества.

На наш взгляд, применение качественных методов исследования, к которым относится клиническое интервью, может внести новое дыхание в исследовании менталитета. Собственно клиническое интервью, а также использование материалов психологической практики не являются новым в психологии. Основатели психологических школ и направлений: З. Фрейд, Ф. Перлз, К. Витакер, В. Сатир и многие другие – разрабатывали свои концепции на данных своей практики. В основном данные клинического интервью использовались при исследовании психологии личности [19]. Новизной нашего исследования является использование клинического метода в изучении социально-психологического понятия «менталитет».

Обзор литературы

Анализ литературы показывает, что большинство концепций менталитета имеют теоретический характер [1; 9; 11; 27; 33; 39]. В отдельных случаях ученые выделяют определенные параметры, по которым проводят исследования. К примеру, В.Е. Семенов для определения своей теории полиментальности на основе философского, культурологического, исторического анализов выделил глобальные категории: «Бог-Идол» и «Индивид – Коллектив», которые определяют пространственное измерение. Суть эмпирического исследования в этом случае заключается в изучении отношения респондентов к данным категориям [23].

В нашем исследовании мы исходим из понимания, что менталитет представляет собой надстройку, определяющую экзистенциальный смысл явлениям и процессам, отличающим психологический склад конкретного общества. Понимание менталитета как категории «над» рассматривается Д.В. Ушаковым [26]. Категория надстройки предполагает ответную реакцию на базис. В психологической трактовке надстройка означает типичные реакции людей на внешние условия: природно-климатические, социальные, экономические и т.д., которые можно рассматривать как факторы, формирующие менталитет. На сегодняшний день определены следующие факторы: природные условия, духовно-религиозные воззрения, исторические события, особенности социального устройства общества, геополитическое положение общества и язык [7; 12].

Здесь следует отметить один момент. Традиционной для психологии является точка зрения, что особенности семьи: её устройство, роли, выполняемые членами семьи, степень влияния семьи на человека – определяются особенностями культуры [17; 35; 36; 40]. Семья является первичным институтом социализации личности, механизмом, через который транслируются ребенку особенности культуры и менталитета. Данное понимание устанавливает тесную взаимосвязь семьи с культурными и историческими особенностями общества, раскрывает двухсторонний детерминизм развития общества. «Семья – ячейка (малая социальная группа) общества, важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, т.е. отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство» [31, с. 9]. Здесь семья раскрывается не только с точки зрения супружеских, но и родственных связей, что позволяет нам рассматривать семью не в узких рамках диады: родители – дети. Понимание семьи как системы позволяет нам раскрывать и объяснять особенности взаимодействия между всеми членами расширенной многопоколенческой семьи. Для более глубокого понимания расширенной семьи нам нужно вначале понять основные закономерности семейной системы.

Термин семейной системы ввел в психологию М. Боуэн [34]. Боуэн исходил из общенаучного принципа системности. Для российского читателя понимание семьи как системы можно объяснить с помощью принципов системного подхода Б.Ф. Ломова. Система является многомерной, она имеет иерархическую структуру, психические явления могут развертываться в нескольких планах, процессы, протекающие в системе, взаимодетерминированы, и в целом система имеет динамический характер [16]. Когда мы рассматриваем основные постулаты теории семейной системы М. Боуэна, мы видим, что в них развертываются принципы системного подхода, определенные Б.Ф. Ломовым. Семья, по мнению М. Боуэна, является не просто группой людей, а системой, которая в первую очередь основана на эмоциональной связи между ее членами.

Далее идея семейной системы была развернута в трудах С. Минухина, который считал, что семейная система – это некий целостный организм, состоящий из нескольких структурных компонентов – холонов. Имеется четыре вида подструктур: индивидуальная, супружеская, родительская и сиблинговая. Супружеская и родительская подструктуры различны по своему содержанию и могут быть различны фактологически. Если с супружеской подструктурой понятно, что это взаимоотношение между супругами, то в случае родительской подструктуры границы расширяются – сюда могут входить разные люди, выполняющие родительские функции. Таким образом, в родительские подструктуры могут входить другие члены семьи – бабушки, дедушки, дяди, тети, опекуны и другие люди. Сиблинговая, или детская, подструктура включает детей и раскрывает качество взаимоотношений между детьми в семье. При этом члены семьи могут иметь разные функции – кто-то обеспечивает психологический климат семьи, кто-то является проводником во внешний мир [38].

Понятие семьи как системы легло в основу концепции Вирджинии Сатир. Она считает, что родительская семья определяет наше поведение и установки, в т.ч. уровень самооценки, выбор супруга и защитные механизмы личности. Семья всегда стремится к равновесию, для поддержания которого порой в ход идет навязывание ролей членам семьи, либо введение системы запретов, либо формулирование нереальных ожиданий, либо всё вместе [21].

Семейные правила показывают, что в семье позволено, а что нет, что считается хорошим и плохим. Если семейные правила не могут конкретизировать права и обязанности ее членов, то данная ситуация может спровоцировать конфликты в семье. Стереотипы взаимодействия членов семьи являются устойчивыми формами поведения. Они, как правило, взаимосвязаны друг с другом, стереотип поведения одного члена семьи не просто зависит от стереотипа поведения другого члена семьи, но в то же время и влияет на него. Семейные ценности являются стабилизаторами семьи, их существование дает семье стабильность [31].

Рассматривая семью как систему, следует отметить, что и исследователи, и практикующие психотерапевты видели тесную связь между разными поколениями в семье [34]. Данный факт с точки зрения системной семейной психологии можно рассматривать как создание единого смыслового поля родительской и новой семей. На основе своей практики М. Эриксон и Дж. Хейли делают вывод о том, что многочисленные связи между родительской семейной системой и семейной системой молодых супругов являются неотъемлемой частью обывденной жизни [32]. Современные исследования также показывают единство и преемственность семейных установок, сценариев и т.д. родительской и новой семьи [13; 20].

Межпоколенные отношения имеют влияние на личностные особенности человека, его мировосприятие и ценностную структуру. Наибольший вклад в развитие личности имеют референтные лица – родители, родственники, наставники, друзья и т.д. Рассмотрим более подробно значимость прародителей в формировании личностного пространства человека. В исследовании П.Б. Селюгиной выявлено, что фигура прародителя в более половины случаев включается в личностное пространство респондента. При этом респонденты могут включать умерших прародителей в свое личностное пространство, что, на наш взгляд, указывает на значимость и психологическую близость между поколениями прародителей и внуков [22]. В другом исследовании на основе социологического опроса молодежи выявлено, что, по представлениям современной молодежи, сегодня сохраняется главная функция прародителей – трансляция социальных ценностей подрастающему поколению [2].

Семья как система существует благодаря конкретным механизмам – особенностям структуры семейных ролей, наличию семейных подсистем, наличию и особенностям семейных правил, стандартам взаимодействия, семейным мифам, семейным историям и стабилизаторам [25; 31].

На основе теоретического анализа определены основные параметры эмпирического исследования: рассмотрение менталитета как экзистенциальной духовно-нравственной надстройки, ограниченность менталитета временным и пространственным факторами. Исходя из этого, эмпирическая программа исследования направлена на изучение менталитета конкретной общности. В нашем случае объектом исследования является менталитет якутского народа.

Материалы и методы

Целью исследования является изучение роли семьи в сохранении якутского менталитета. Предмет исследования – проявление якутского менталитета в семейных отношениях. Объектом исследования, как уже говорилось, является менталитет якутского народа.

Используемый в нашем исследовании метод клинического интервью относится к методам, основывающимся на внутрикультурной специфике. Большинство стандартизированных методик разрабатываются на основе одной культуры, в последующем ими измеряют другие культуры. Данный подход не может претендовать на репрезентативность и сензитивность получаемых результатов [15; 24]. Методики, основывающиеся на выборе исследуемых параметров из самой культуры, имеют несомненное достоинство.

Впервые методика клинического интервью была использована Ж. Пиаже при исследовании проблемы моральных суждений. Клиническое интервью позволяет выявить глубинное содержание утверждений, их основные структурные или качественные аспекты спонтанных рассуждений респондента [18]. Суть клинического интервью в психотерапии заключается в поиске индивидуально-психологических особенностей клиента и осознания им логических противоречий в своем суждении. Особенностью данного метода является способность распознавать скрытые признаки [3].

Исследовательской задачей клинического интервью является получение мировоззренческих установок, ценностей, потребностей, мотивации респондента по проблеме исследования. В ходе клинического интервью важны не только вербальные ответы, а также невербальные особенности речи респондента. Клиническое интервью разворачивается, исходя от ответа респондента, следующий вопрос формулируется для более точного и глубокого ответа на предыдущий. Каждое клиническое интервью уникально. Отсюда, в проведении клинического интервью важны точность формулировки вопроса, доступность вопросов для респондента, их последовательность, беспристрастность экспериментатора [19]. Клиническое интервью имеет две части. Первая часть направлена на достижение установления контакта, вторая – на собственно сбор информации.

Клиническое интервью может быть полуструктурированным и свободным. Полуструктурированное клиническое интервью включает обязательный перечень вопросов. В свободном интервью экспериментатор «идет» вслед за мыслью респондента. Достоинством первого варианта является возможность за короткое время получить интересующую информацию. Достоинством свободного клинического интервью является получение

наиболее полной информации [19]. В нашем исследовании был применен метод свободного клинического интервью.

Обработка результатов проводилась с помощью микросемантического анализа текста [4; 6]. На наш взгляд, микросемантический анализ, рассматривающий речь респондента как мыслительный процесс, учитывает не только речевые конструкты, но также и паузы, особенности речи, оговорки и т.п. Таким образом, микросемантический анализ позволит нам уловить психологические конструкты в протоколах. Для раскрытия специфики клинического интервьюирования рассмотрим два протокола. Помимо этого, по выделенным дескрипторам каждого протокола в последующем проводился контент-анализ и факторный анализ.

Исследование проведено в Якутии с 2018 по 2021 годы. Объем выборки – 99 человек. Возраст респондентов – от 54 до 82 лет. Из них – 87 женщин, 12 мужчин.

Результаты исследования

Рассмотрим результаты контент-анализа клинических интервью. Для этого все ответы респондентов были обработаны с помощью контент-анализа и обобщены в смысловые блоки. Следует отметить, что, в связи отсутствием ранжирования или шкалирования, более сложные статистические методы невозможно было использовать.

Таблица 1 – Контент-анализ дескрипторов, полученных в клинических интервью

№	Смысловые блоки	Частота
1	Детоцентризм в семье (какая семья без ребенка; смысл жизни в них; человек живет ради детей; продолжение жизни – в детях; я знаю, что мы, дети, были их смыслом; мой муж ради детей все сделает; благодаря своим детям я добилась всего и т.д.)	90
2	Уважение старших (без уважения родителей нормальной семьи не будет; они у меня старенькие, но их слово – закон; я уважаю своих родителей и детей своих тоже так учу; сколько бы мне лет ни было, пока будут живы родители, я буду их слушаться; зачем детей учить, если будет уважение родителей, они будут поступать, как мы хотим; всегда прислушиваюсь к словам родителей и т.д.)	89
3	Семья как род, включающая семьи сиблингов прародителей (у нас много родственников; моя семья большая – тети, дяди, племянники; мы все семья; нас больше 100 человек; у нас очень большая семья; я всех своих племянников с их семьями считаю своей семьей; если считать всех двоюродных, то у меня очень большая семья и т.д.)	82
4	Участие прародителей в воспитании детей (меня воспитывали бабушка и дедушка; были ближе, чем родители; они всегда были рядом; именно они учили меня жизни; благодаря им я такой, каким вырос; не могу представить, чтобы бабушка или дедушка отказали в помощи; всегда готовы быть с внуками; если бы не их поддержка, не родили бы третьего ребенка; внуки обожают своих бабушек и дедушку и т.д.)	72
5	Наличие детской подсистемы (были мне как мамы; воспитывали меня старшие братья и сестры; воспринимала их как родителей; с утра до вечера дети сами	51

	занимали себя; старший брат учил младшего; мои дети сами друг друга воспитывают; чем больше детей, тем лучше – у них появляется своя группа; я была одна у родителей, и мне не хватало в детстве своей детской тусовки, как у моих подруг и т.д.)	
6	Ориентация на личностные характеристики, а не гендерный признак в выстраивании «старшинства» в структуре семьи (...сначала выбрали брата, потом меня, потому что он бросил учебу; бабушка была главной; дедушка был главным; глава рода – это самый уважаемый человек; быть лидером семьи это не означает помогать всем материально и т.д.)	32
7	Признание автономности и самостоятельности зятя/невестки (у него (зятя) свои родители, я не могу ему указывать; он (зять) из другой семьи; я ее (невестку) не воспитывала, поэтому не мне оценивать; мать мужа мне ничего не говорит, только если я сама спрошу ее оценку, скажет; свекрови меня уважают, понимают, что в моей семье было по-другому; родители мужа обычно говорят своему сыну, а не мне, а потом муж говорит иногда мне и т.д.)	18

Table 1 – Content analysis of descriptors received in clinical interviews

№	Semantic blocks	Frequency
1	Detocentrism in the family (what a family without a child; the meaning of life in them; a person lives for the sake of children; the continuation of life is in children; I know that we children were their meaning; my husband will do everything for the children; thanks to my children, I have achieved everything etc.)	90
2	Respect for elders (without respect for the parents, there will be no normal family; they are old, but their word is the law; I respect my parents and my children, too; I teach this way; no matter how old I am, as long as my parents are alive, I will obey them; why teach children, if there is respect for parents, they will do as we want; I always listen to the words of parents, etc.)	89
3	A family as a clan, including families of siblings of the grandparents (we have many relatives; my family is large – aunts, uncles, nephews; we are all a family; we are more than 100 people; we have a very large family; I consider all my nephews with their families to be my family; if you count all the cousins, then I have a very large family, etc.)	82
4	The participation of grandparents in the upbringing of children (I was raised by my grandparents; they were closer than my parents; they were always there; it was they who taught me life; thanks to them I am the way I grew up; I can't imagine grandma or grandpa refusing to help; always ready to be with their grandchildren, if not for their support, they would not have given birth to a third child, grandchildren adore their grandparents, etc.)	72
5	The presence of a children's subsystem (they were like mothers to me; older brothers and sisters raised me; perceived them as parents; from morning to evening the children occupied themselves; the older brother taught the younger; my children raise each other themselves; the more children, the better - for they have their own group, I was alone with my parents, and in my childhood I missed my childhood party, like my girlfriends,	51

	etc.)	
6	Orientation to personal characteristics, rather than gender, in building “seniority” in the family structure (... first they chose a brother, then me, because he dropped out of school; grandmother was the main one; grandfather was the main one; the head of the family is the most respected person; to be a leader families, this does not mean helping everyone financially, etc.)	32
7	Recognition of the autonomy and independence of the son-in-law / daughter-in-law (he (son-in-law) has his own parents, I can't tell him; he (son-in-law) is from another family; I didn't raise her (daughter-in-law), so it's not for me to evaluate; my husband's mother doesn't tell me anything, only if I myself ask her assessment, she will say, mothers-in-law respect me, they understand that it was different in my family, my husband's parents usually tell their son, not me, and then my husband sometimes tells me, etc.)	18

Мы выделили семь основных смысловых блоков, в которые можно объединить дескрипторы, описывающие особенности якутской семьи. В ответах одного респондента в ходе раскрытия темы могли быть затронуты все семь смысловых блоков. Вместе с тем контент-анализ показывает наиболее часто используемые дескрипторы, используемые респондентами при описании своей семьи.

Как видно из таблицы, наиболее часто респонденты описывали значимость и ценность детей, во многих высказываниях дети являются смыслом создания семьи и жизни человека. Вторым по частоте является высказывание про уважение старших. На третьем месте по частоте – описания семьи как рода, который объединяет семьи двоюродных и троюродных братьев и сестер. На четвертом – высказывания о важности и активности прародителей – бабушек и дедушек в воспитании подрастающего поколения. Респонденты в своих ответах считают нормой активное участие прародителей в воспитании внуков и отклонением от нормы – обособленную, автономную позицию старшего поколения. Пятыми по частоте встречаются воспоминания, а также описание ныне существующей ситуации о наличии детской подсистемы в семье – она занимает важную роль в жизни ребенка и зачастую при занятости родителей может брать на себя функции воспитания младших детей. Шестой по частоте встречаемости – блок про лидерство в семье. Лидера семьи, вслед за своими респондентами, мы называли «глава рода». Это человек, который является связующим звеном между остальными членами семьи. Его роль не заключается в руководстве семьей – родом. Этот человек в силу своих личностных качеств, достижений в жизни (которые не сводятся к профессиональным достижениям), умения слушать людей, эмпатийности, рефлексии, организаторским навыкам служит авторитетом для других членов семьи. Как правило, главы рода – люди, обладающие системными качествами, ведущие стабильный образ жизни. В седьмой смысловой блок объединены высказывания о признании нового члена семьи – невестки или зятя – как продукта другой семейной системы, вследствие этого – признание родителями автономности и самостоятельности невестки или зятя. При этом данная автономность не является изоляцией или игнорированием личности невестки/зятя, а признанием его личного пространства.

В качестве примера микросемантического анализа протокола клинического интервью рассмотрим итоги двух консультаций.

Женщина 54 года, не замужем, детей нет.

Экспериментатор: Добрый день, расскажите о себе, своей семье ... (знакомство и установление контакта).

Респондент: Я родилась в полной семье, у меня трое старших сестер, а также старший и младший братья (1). В детстве я была очень избалованным ребенком (2). Сестры меня всегда наряжали в красивые платья, плели косы (3), а я все норовила убежать с младшим братом побегать, полазить по деревьям (4). Помню, что сестры меня ловили и ругали, когда я пачкала платья. Старшие сестры были намного меня старше, поэтому они были мне как мамы (5). Я была очень близка со своим младшим братом. Мы с братом всегда были вместе, росли. Вместе прогуливали уроки, вместе болели (6). У меня было очень счастливое детство...(пауза)

Экспериментатор: Вы не упоминаете про своих родителей. Можете про них рассказать?

Респондент: Я помню, что они все время работали (7) Тогда же все в совхозе работали. Вот помню, что они рано утром уходили и поздно приходили (8). Поэтому, наверное, старшие сестры школьницы и были мне как мамы (9). Я помню, что именно они водили меня в садик. Зимой в -50С на санках возили в садик. Мы жили не столь далеко, но в зимних одеждах мы с братом ходить даже не могли. Были такими меховыми колобками, которые умели только стоять и падать. Наверное, у нас вся одежда была на вырост. Сестры сажали нас на санки и по дороге с садика домой роняли кого-то из нас, и, не замечая, шли дальше, и только дома обнаруживали, что одного ребенка нет (смеется). Потом шли обратно и находили меховой колобок где-то в сугробе (10). Сейчас вот думаю, страшно же, они школьницы, сколько им могло быть – 6-7 класс?! (11) Слава Богу, ничего не отморозили, живыми и здоровыми выросли.

Экспериментатор: А про родителей у Вас есть воспоминания?

Респондент: Мама у меня очень спокойная и мудрая (12). Я пугалась одного её взгляда (13). Посмотрит особым образом и все – прощай (14). Никогда не кричала, не ругалась. Тем более руку никогда не поднимала (15). Ей было достаточно посмотреть на меня и промолчать, поджать губы, и все – я чувствовала себя глубоко виноватой (16). Со всеми своими детьми она была такая (17) Но говорят, что меня она баловала (18). Хотя, вот так вспомнить, чтобы она сюсюкалась, обнимала, целовала лишний раз, кормила вкусным или покупала дополнительно, не помню даже (19). Папа наш был водителем. Очень строгий, можно даже сказать суровый человек (20). Дома появлялся редко (21). Всегда чем-то занимался, если не работал, ходил на охоту со старшим братом (22). Потом старший брат младшего брата начал водить на охоту (23). Я тоже с ними хотела, но я же девочка, конечно, меня не брали (24). А по характеру я была скорее как мальчик, чем спокойная девочка (25). Я помню, что папа один раз отругал меня, и я на него обиделась и кричала ему, что я никогда замуж не выйду. Потом спряталась в сундуке, и меня целый вечер искали (26).

Экспериментатор: В более старшем возрасте Ваш характер изменился?

Респондент: Я была все такой же активной, но эту активность я уже выплескивала в кружки, секции (27). Училась хорошо, участвовала в олимпиадах, спортивных соревнованиях по волейболу и лыжным гонкам. В студенческие годы тоже была очень активной (28). А когда пошла работать, полностью увлеклась работой (29). Я работала в милиции, и мужчин было много, но я их как-то не замечала, была вся в работе (30). Мне казалось, что они мне мешают (31). Сейчас у меня тоже есть ухажеры (32). Как правило, это мужчины младше меня лет на десять (33). Но сейчас я сама не соглашаюсь на

серьезные отношения (34). Им же надо детей рожать, какая семья может быть без детей...(пауза) (34)

Экспериментатор: Вы сознательно отказываетесь от семейной жизни сейчас?!

Респондент: Нет, почему же, не отказываюсь полностью. Но думаю, что замуж выйду за человека, у которого уже есть свои дети (35). Так как я уже не могу ему подарить детей (36).

В данном протоколе можно выявить несколько ключевых моментов, которые раскрывают особенности взаимоотношений в семье нашего респондента. Из самоописания респондент воспринимается идентифицированным членом семьи (2, 18). Уже в начале разговора становится понятным, что в родительской семье внутренние границы между семейными подсистемами были достаточно жесткими – существовала достаточно самостоятельная и самоорганизующаяся детская подсистема. Мы видим это из теплого воспоминания о приключениях по дороге в детский сад (10) и взаимоотношениях с младшим братом (6). Семейными ценностями являются работа и дети. По нашему мнению, именно в этих конкурирующих ценностях и лежит причина того, что наш респондент не создала собственную семью. Ценность детей в семье респондента осознается и принимается, она открыто говорит, что семья без детей не может называться семьей (34, 35, 36). Вторая ценность – работа, точнее, преданность работе и трудоголизм – респондентом не осознаются. Мы наблюдаем это из последних предложений, когда она описывает свои студенческие (28) и рабочие годы (29, 30). По сути, ее отношение к работе повторяет сценарий её родителей (7, 8, 21). Следующая особенность уже касается культурной особенности саха в коммуникации – стремление выражать свои мысли и чувства на невербальном уровне, стимулирование рефлексировать ситуацию и «домысливать» за собеседника. Данная характеристика свойственна «культуре молчания» (13, 14, 16).

Следующий протокол представляет часть клинического интервью с женщиной 82 лет.

Женщина, 82 года, имеет сына 54 лет у которого своя семья: жена и двое детей.

Экспериментатор: Добрый день, (знакомство и установление контакта).

Респондент: Добрый день, я хотела бы обсудить с Вами отношения с сыном (1). Я родила его в 28 лет без мужа. Сама пошла на это... (2). Наверное, стоит объяснить мой поступок. Тогда, в мое время рожать без мужа было не принято, не то, что сейчас. Но я даже этого не испугалась...(пауза) (3).

Экспериментатор: У Вас, наверное, были причины, чтобы выбрать такой путь.

Респондент: Да, наверное, стоит рассказать про свое детство (4). Я родом из А. улуса. Мой отец погиб на фронте (5). Мы трое детей остались у мамы (6). Родственников у нас почему-то не было. Я их не помню (7). Помню, что мы жили очень бедно (8). Да и все так жили (9). Были голодные смерти (10). Были люди, которых даже война не научила (11). Мою маму некому было защищать, и помню, как её обижали чужие дяди (12). Приходили ночью и обижали... Потом мы переехали в Якутск (13). Мир не без добрых людей (14). Помню, приходили древние старухи и говорили маме, что ради детей ей нужно сменить место и начать жизнь сначала (15). Я тогда не понимала и удивлялась, как это начать сначала, мама маленькой что ли станет (16)?! Нас всем селом провожали. В те голодные годы умудрялись еще делиться чем-то (17). Несмотря ни на что, я люблю свою малую Родину, считаю себя уроженцем А. улуса, хотя ни разу потом не ездила туда...(18).

Экспериментатор: У Вас тогда зародилось мысль – жить одной?

Респондент: Наверное... скорей всего. Я тогда боялась всех мужчин, пряталась от них (19). Мои младшие брат и сестра не помнят, конечно, ничего, не знают, почему мы

переехали, но я как старшая помню свой страх (20). Мама вырастила нас троих. Замуж она так и не вышла и посвятила свою жизнь нам (21). Научила нас с сестрой всему тому, что она умеет сама. Благодаря маме я умею шить (22). Всегда сама себе шила. В молодости была самой элегантной женщиной в нашей библиотеке.

Экспериментатор: Наверное, Вы были очень красивой женщиной.

Респондент: Может быть, никогда так о себе не думала, но внимание на меня обращали. А я ни на кого не смотрела (23). Мои брат и сестра создали свои семьи (24). Только я одна оставалась. Потом в 28 лет я решила родить ребенка (25). Как же это – жизнь прожить и после себя никого не оставить (26)! Так я и родила своего Володю (имя изменено)...

Экспериментатор: Какие у Вас отношения с ним?

Респондент: На самом-то деле отношения у нас всегда были хорошие. Да и с невесткой у меня хорошо, и с внуками тоже (27). Хотя они сейчас выросли, внуки-то, но все равно обязательно ко мне ходят на обед (улыбается) (28). На праздники всегда вместе, каждый день созваниваемся, видимся. Я не чувствую себя одинокой (29).

Экспериментатор: Вы вначале говорили, что Вас беспокоят отношения с сыном?

Респондент: Да, беспокоят. Мы с ним в последние годы все время ссоримся (30). Точнее, он мне говорит, что я его учу (31). Он же у меня летчик. Мне его работа не нравится – опасная (32). Еще он в последние годы стал выпивать с коллегами. Конечно, я беспокоюсь (33).

Экспериментатор: Говорят, что в глазах своих матерей мы остаемся вечными младенцами. Давайте подумаем, когда Вы разговариваете со своим сыном, как он говорит «учите» его, сколько ему лет в Ваших глазах? Вы разговариваете с ним как с 54-летним мужчиной или с маленьким ребенком?

Респондент: (смеется). Ну конечно, не младенец, но вы правы. Кажется, что для меня он застрял в возрасте старшеклассника, в юношеском возрасте (34). Он сейчас, конечно, весь седой, может даже дедушкой стать в любое время (35). Внуки-то уже большие (36). Я поняла, что Вы хотите мне сказать, но это, конечно, очень сложно матери научиться видеть в своем ребенке взрослого мужчину (36). Тем более он у меня один...(37)

Экспериментатор: У Вас же есть прекрасное поле – внуки!

Респондент: (смеется). Да, эти пока мне прощают мой наставнический тон (38). Вот что странно, к невестке своей я отношусь по-другому, никогда наставническим тоном с ней не разговариваю. Хотя она моложе моего сына на семь лет (39). Может, потому, что она женщина, хозяйка. У неё свои родители есть, она же не дочь, а невестка, сама хозяйка (40)?!

...

В этом протоколе, как и в предыдущем, есть классический психотерапевтический момент – детская травма нашего респондента, проблема сепарации от ребенка, а также культурно специфические моменты. На последних остановимся подробнее. Первое – это взаимопомощь и взаимоподдержка. Несмотря на то, что мать нашего респондента попала в сложную жизненную ситуацию (12), именно благодаря поддержке односельчан семья вышла из этой ситуации (14, 17). Второй момент – это значимость детей в семье. «Для детей» становится аргументом для матери нашего респондента начать новую жизнь (15) и аргументом для нашего респондента (26). Следующий момент – отношение к женщинам в якутской культуре. Наш респондент считает, что ее отношение на равных к своей невестке продиктовано тем, что она является женщиной, «хозяйкой», по ее словам, и дочерью своих родителей (39, 40).

Обсуждение и заключения

Частотный анализ протоколов показывает, что наиболее часто респонденты описывали значимость и ценность детей, семьи как рода, который объединяет семьи двоюродных и троюродных братьев и сестер, важность и активность прародителей – бабушек и дедушек в воспитании подрастающего поколения, наличие детской подсистемы в семье лидерство в семье вне зависимости от его гендерных

Семья для традиционных народов Якутии, как и во многих патриархальных обществах, имела сильные позиции. Несколько семей живущих в одном аласе или стойбище, как правило были объединены кровным родством. Родственные узы связывали крепче любых договоренностей: родственники помогали выживать в трудные времена, в случае утери кормильца именно родственники приходили в помощь сиротам, знание своих родственных связей помогало создавать и воспроизводить здоровое потомство. Отсюда, восприятие своей родни как одной семьи являлось особенностью традиционного якутского общества. Данная ситуация является олицетворением истории становления института семьи в целом. Исторически семья понималась как род, т.е. расширенная, многополенная группа, которая формируется из родственников вокруг старшего мужчины или старшей женщины. Вместе жили двоюродные и троюродные братья, племянники и приемыши. Хозяйство было общим. К примеру, в русских семьях во главе стоял «большак». «Большаком» считался наиболее опытный, трудоспособный и зрелый мужчина. Семья включала деда, сыновей, внуков, правнуков. В «братские» семьи входили женатые братья со своими женами и детьми. Главой в такой семье был старший брат. Советницей «большака» была «большуха», старшая женщина, которая вела домашнее хозяйство [10].

Далее рассмотрим протоколы консультаций. С их помощью можно более подробнее раскрыть результаты-контент анализа. Во первых, следует отметить, что качественный анализ протоколов консультаций показывает, что психологические проблемы с которым обращались клиенты к психологу имеют как общие психологические закономерности, так и культурно-специфические моменты.

Из первого протокола респондент воспринимается идентифицированным членом семьи. В этом же протоколе раскрываются взаимоотношения внутри детской подсистемы. В теоретическом анализе уже говорилось о том, что семья как система имеет несколько подструктур, в том числе и детскую [38]. Здесь, наглядно демонстрируется значимость детской подсистемы в воспитании ребенка. Как видно из воспоминаний респондента, в якутской семье детская подсистема имеет особое место. Она не только решает многие бытовые вопросы, но также берет на себя функции воспитания младших сестер и братьев старшими детьми. Здесь мы видим, как отец учил старшего сына, а старший сын в свою очередь учит навыкам охоты своего младшего брата. А.А. Григорьева также отмечает, что детская подсистема сохранилась в якутской культуре и в наши дни [8].

Участие нескольких поколений в воспитании детей: прародителей, родителей и самих детей, помогает сохранить межпоколенческую связь и вместе с тем, детская подсистема, активно участвуя в воспитании детей может помогать семье быстрее усваивать ценности и нормы сегодняшнего дня. Отсюда, ценности, декларируемые семьей не кажутся для подрастающего поколения архаичными, устаревшими. Мы видим, что в воспоминаниях первого респондента старшие сестры, заботясь о своей младшей сестре, обучались операциональным навыкам родительства [14]. Здесь можно предположить, что старшие

сестры скорей всего одевали и обучали свою младшую сестру согласно современным тенденциям. На наш взгляд, здесь, дети могли вносить с одобрения родителей и прародителей, современные тенденции в традиционные нормы и правила воспитания. Таким образом, семья как механизм, обеспечивающий преемственность менталитета, благодаря расширению своих ресурсов и признания детской подсистемы обеспечивает динамичность традиционного менталитета, создавая условия для ее развития согласно современным требованиям общества. Данный факт, на наш взгляд, является фактором обеспечивающим стабильность якутского менталитета – подрастающее поколение сохраняя связь со своей семьей, усваивает основные, системообразующие детерминанты традиционного менталитета.

Во втором протоколе респондент раскрывает детскую травму, которая могла повлиять на ее сценарий жизни. Здесь, раскрывается еще одна особенность якутского менталитета – отношение родителей со взрослыми детьми и с их супругами. Если родители сохраняют привилегию быть наставником своим детям вне зависимости от их возраста, то за невестками/зятьями сохраняется их личностное пространство. Ответственность за их поступки продолжают нести их родители. Здесь мы видим, как в якутских семьях сохраняются границы двух семей прародителей. Несмотря на то, что якутские семьи отличаются тесными межпоколенческими связями, данный факт говорит о том, что существуют четкие границы между семейными системами.

Расширение ресурсов семьи за счет рода являются механизмами обеспечивающими преемственность менталитета в якутской культуре. Таким образом, на основе полученных результатов можно отметить, что в современной якутской семье сохраняются особенности традиционной культуры саха. К ним можно отнести наличие расширенной семьи в современном якутском обществе, тесные межпоколенческие связи в семьях, культ детей, характерный для детоцентристской семьи, ориентация на личностные характеристики, а не на гендерный признак в выстраивании «старшинства» в структуре семьи. Следует отметить, что качественный метод исследования позволили нам выявить культурно-специфические особенности якутского менталитета.

Список использованных источников

1. Акопов Г.В., Давыдкина Л.В., Семенова Т.В. Ментальность как групповое сознание. Самара: Изд-во ПГСГА, 2015. 76 с.
2. Бендрикова А.Ю. Межпоколенное взаимодействие как способ транслирования социальных ценностей // Семья в XXI веке: проблемы и перспективы: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Т.Г. Соболевой. Барнаул: ИП Колмогоров И.А, 2017. С. 152-156.
3. Бодалев А.А. Психология общения. М.: Когито центр, 2011. 600 с.
4. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979. 230 с.
5. Бурина Е.А., Кудинова А.Е. Особенности современной российской семьи в условиях социально-исторических изменений института родительства // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8, №1. С.6.
6. Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Инст-т психологии РАН», 2004. 312 с.
7. Гуцыкова С.В. Проблемное поле профессионального менталитета и ментальности субъекта труда // Институт психологии РАН. Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4, №2. С. 153-170.

8. Григорьева А.А. Теория и практика семейной этнопедагогике народа саха: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М.: Институт педагогики социальной работы РАО, 1999. 32 с.
9. Гринева С.В. Менталитет и ментальность современной России. Невинномысск: Невинномысский ТИ, 2003. 177 с.
10. Дружинин В.Н. Психология семьи. СПб: Питер, 2006. 176 с.
11. Кольцова В.А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования // Историогенез и современное состояние российского менталитета / под ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 5-18.
12. Кольцова В.А., Журавлев А.Л. Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т. 38, №3. С. 5-17. DOI: 10.7868/S0205959217030011.
13. Короленко А.В., Калачикова О.Н. Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, №2. С. 172-189. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.11.
14. Ланцбург М.Е. Роль психологической подготовки и поддержки в реализации родительских функций // Психологическая наука и образование. 2011. Т. 16, №1. С. 15-26.
15. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: «Ключ-С», 1999. 224 с.
16. Ломов Б.Ф. Психическая регуляция деятельности. М.: Когито центр, 2006. 780 с.
17. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 430 с.
18. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб: Питер, 2003, 192 с.
19. Репина Н.В., Воронцов Д.В., Юматова И.И. Основы клинической психологии. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 480 с.
20. Самсонова М.О., Устименко А.А. Распределение обязанностей в семье: сравнительный анализ семей двух поколений // Студенческий. 2022. №1-4(171). С. 45-53.
21. Сатир В. Психотерапия семьи. М.: Изд-во Института общегуманитарных исследований, 2018. 218 с.
22. Селюгина П.Б. Внутренний образ прародителей в структуре личностной идентичности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ФГАОУ ВПО Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013. 27 с.
23. Семёнов В.Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Социальная психология в трудах отечественных психологов: хрестоматия. СПб: Питер, 2000. С. 485-492.
24. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.
25. Томгорова Г.У. Социально-психологическое представление о семейных ролях в полных и неполных расширенных семьях // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. №2. С. 137-143. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2022.2.19>.
26. Ушаков Д.В. Менталитет и социально-экономические достижения стран // Вестник РАН. 2020. Т. 90, №3. С. 224-231. DOI: 10.31857/S086958732003024X.
27. Харитонов Е.В. Соотношение понятий «менталитет» и «ментальность» // Историогенез и современное состояние российского менталитета / под ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонов. М.: Институт психологии РАН, 2015. С. 226-237.

28. Число разводов за год. Официальные статистические показатели. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31604> (дата обращения: 28.06.2022).
29. Число браков за год. Официальные статистические показатели. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31604> (дата обращения: 28.06.2022).
30. Щукина Е.Г. Психолого-педагогическая поддержка семьи: оказание помощи родителям, воспитывающим детей в семье // Инновации. Наука. Образование. 2021. №25. С. 417-421.
31. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. СПб: Питер, 2002. 656 с.
32. Эриксон М., Хейли Дж. Стратегия семейной терапии. М.: Изд-во Института общегуманитарных исследований, 2001. 448 с.
33. Юревич А.В. Базовые компоненты национального менталитета // Вестник РАН. 2013. №83(12). С. 1083-1091.
34. Bowen M. Family therapy in clinical practice. New York, 1978. 565 p.
35. Ejinkonye U.B. Communication in the family implication for healthy family relationship // Journal of Home Economics. 2011. Vol.14. Pp. 204-211.
36. Harrison V. Contributions of nuclear family triangles to variation in physiological reactivity in family systems // Psychiatry: Interpersonal & Biological Processes. 2013. Vol. 9(2). Pp. 145-153.
37. Len A.A., Torkunova O.I., Filonenko L.V. Research of sociocultural family value in the consciousness of military university cadets // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2021. No. 1(53). Pp. 18-23. DOI: 10.36906/2311-4444/21-1/03.
38. Minuchin S. Families and family therapy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974. 45 p.
39. Stepanenko E.V., Satraeva J.A. Language interpretation of the picture of the world through the concept of “mentality” // Наука и реальность. 2020. №1. С. 30-33.
40. Fun Yi., Lin Q. Putting families at the center: the role of family system in employee work-family conflict and voice behavior // Journal of Business and Psychology. 2022. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10869-022-09828-w>.

References

1. Akopov G.V., Davydkina L.V., Semenova T.V. Mentality as a group consciousness. Samara, PGSGA Publ., 2015. 76 p. (In Russ.)
2. Bendrikova A.YU. Intergenerational interaction as a way of broadcasting social values. *Sem'ya v XXI veke: problemy i perspektivy: sbornik statej po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod red. T.G. Sobolevoj*. Barnaul, IP Kolmogorov I.A. Publ., 2017. Pp. 152-156. (In Russ.)
3. Bodalev A.A. Psychology of communication. Moscow, Kogito centr Publ., 2011. 600 p. (In Russ.)
4. Brushlinskij A.V. Thinking and forecasting. Moscow, Mysl' Publ., 1979. 230 p. (In Russ.)
5. Burina E.A., Kudinova A.E. Features of the modern Russian family in the context of socio-historical changes in the institution of parenthood. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2020, vol. 8, no. 1, p. 6. (In Russ.)
6. Volovikova M.I. Russian ideas about the moral ideal. Moscow, Institut psihologii RAN Publ., 2004. 312 p. (In Russ.)
7. Gucykova S.V. Problem field of professional mentality and mentality of the subject of labor. *Institut psihologii RAN. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 153-170. (In Russ.)

8. Grigor'eva A.A. Theory and practice of family ethnopedagogy of the Sakha people: the author's abstract of the dissertation of the doctor of pedagogical sciences. Moscow, Institut pedagogiki social'noj raboty RAO Publ., 1999. 32 p. (In Russ.)
9. Grineva S.V. Mentality and mentality of modern Russia. Nevinnomyssk, Nevinnomysskij TI Publ., 2003. 177 p. (In Russ.)
10. Druzhinin V.N. Family psychology. St. Petersburg, Piter Publ., 2006. 176 p. (In Russ.)
11. Kol'cova V.A. Russian mentality as a subject of socio-psychological research. *Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossijskogo mentaliteta / pod red. V.A. Kol'cova, E.V. Haritonova*. Moscow, Institut psihologii RAN Publ., 2015. Pp. 5-18. (In Russ.)
12. Kol'cova V.A., ZHuravlev A.L. Essence characteristics and factors of formation of the Russian mentality. *Psihologicheskij zhurnal*, 2017, vol. 38, no. 3, pp. 5-17, doi: 10.7868/S0205959217030011. (In Russ.)
13. Korolenko A.V., Kalachikova O.N. Reproductive attitudes of young families: factors and conditions for implementation (based on in-depth interviews). *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 172-189, doi: 10.15838/esc.2022.2.80.11. (In Russ.)
14. Lancburg M.E. The role of psychological training and support in the implementation of parental functions. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2011, vol. 16, no. 1, pp. 15-26. (In Russ.)
15. Lebedeva N.M. Introduction to ethnic and cross-cultural psychology. Moscow, Klyuch-S Publ., 1999. 224 p. (In Russ.)
16. Lomov B.F. Mental regulation of activity. Moscow, Kogito centr Publ., 2006. 780 p. (In Russ.)
17. Mid M. Culture and the world of childhood. Moscow, Nauka Publ., 1988. 430 p. (In Russ.)
18. Piazhe ZH. Psychology of intelligence. St. Petersburg, Piter Publ., 2003, 192 p. (In Russ.)
19. Repina N.V., Voroncov D.V., YUmatova I.I. Fundamentals of clinical psychology. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2003. 480 p. (In Russ.)
20. Samsonova M.O., Ustimenko A.A. Distribution of responsibilities in the family: a comparative analysis of families of two generations. *Studencheskij*, 2022, No. 1-4(171), pp. 45-53. (In Russ.)
21. Satir V. Psychotherapy of the family. Moscow, Institut obshchegumanitarnyh issledovanij Publ., 2018. 218 p. (In Russ.)
22. Selyugina P.B. The internal image of the ancestors in the structure of personal identity: the author's abstract of the thesis of the candidate of psychological sciences. Moscow, FGAOU VPO Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki» Publ., 2013. 27 p. (In Russ.)
23. Semyonov V.E. Typology of Russian mentalities and the immanent ideology of Russia. *Social'naya psihologiya v trudah otechestvennyh psihologov: hrestomatiya*. St. Petersburg, Piter Publ., 2000. Pp. 485-492. (In Russ.)
24. Stefanenko T.G. Ethnopsychology. Moscow, Institut psihologii RAN Publ., «Akademicheskij proekt» Publ., 1999. 320 p. (In Russ.)
25. Tomgorova G.U. Socio-psychological concept of family roles in complete and incomplete extended families. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*, 2022, no. 2, pp. 137-143, doi: <https://doi.org/10.24158/spp.2022.2.19>. (In Russ.)
26. Ushakov D.V. Mentality and socio-economic achievements of countries. *Vestnik RAN*, 2020, vol. 90, no. 3, pp. 224-231, doi: 10.31857/S086958732003024X. (In Russ.)

27. Haritonova E.V. Correlation between the concepts of "mentality" and "mentality". *Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossijskogo mentaliteta / pod red. V.A. Kol'cova, E.V. Haritonova*. Moscow, Institut psihologii RAN Publ., 2015. Pp. 226-237. (In Russ.)
28. The number of divorces per year. Official statistics. Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/31604> (accessed: 28.06.2022). (In Russ.)
29. Number of marriages per year. Official statistics. Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/31604> (accessed: 28.06.2022). (In Russ.)
30. SHCHukina E.G. Psychological and pedagogical support of the family: assistance to parents raising children in the family. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie*, 2021, no. 25, pp. 417-421. (In Russ.)
31. Ejdemiller E.G., YUstickis V.V. Psychology and psychotherapy of the family. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 656 p. (In Russ.)
32. Erikson M., Hejli Dzh. Family therapy strategy. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2001. 448 p. (In Russ.)
33. YUrevich A.V. Basic components of the national mentality. *Vestnik RAN*, 2013, no. 83(12), pp. 1083-1091. (In Russ.)
34. Bowen M. Family therapy in clinical practice. New York, 1978. 565 p.
35. Ejinkeonye U.B. Communication in the family implication for healthy family relationship. *Journal of Home Economics*, 2011, vol. 14, pp. 204-211.
36. Harrison V. Contributions of nuclear family triangles to variation in physiological reactivity in family systems. *Psychiatry: Interpersonal & Biological Processes*, 2013, vol. 9(2), pp. 145-153.
37. Len A.A., Torkunova O.I., Filonenko L.V. Research of sociocultural family value in the consciousness of military university cadets. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 2021, no. 1(53), pp. 18-23, doi: 10.36906/2311-4444/21-1/03.
38. Minuchin S. Families and family therapy. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1974. 45 p.
39. Stepanenko E.V., Satraeva J.A. Language interpretation of the picture of the world through the concept of "mentality". *Science and reality*, 2020, no. 1, pp. 30-33.
40. Fun Yi., Lin Q. Putting families at the center: the role of family system in employee work-family conflict and voice behavior. *Journal of Business and Psychology*, 2022, doi: <https://doi.org/10.1007/s10869-022-09828-w>.

© Елисеева Н.Д., 2022

Информация об авторах

Елисеева Наталья Дмитриевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Институт психологии Северо-восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (ФГОУ СВФУ им. М.К. Аммосова), Якутск, Российская Федерация, докторант Института психологии РАН (ФГБОУ ИП РАН), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0351-5822>, SPIN 6044-5601, e-mail: Eliseeva_n_d@mail.ru.

Information about the authors

Eliseeva Natalia D. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Institute of psychology The North-Eastern federal university by M.K. Ammosov, Yakutsk, Russian Federation, doctoral student Institute of psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian

Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0351-5822>, SPIN 6044-5601, e-mail: Eliseeva_n_d@mail.ru.

Поступила в редакцию: 30.06.2022

Принята к публикации: 24.08.2022

Опубликована: 26.09.2022